

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2007

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2007

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Л.Е. Файн — Досоветская кооперативная Москва 3
- В.Н. Дряхлов — Языческое противодействие христианизации в Западной Европе в раннее средневековье 21

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ч. Даннинг — Царь Дмитрий 39

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- ✓ Е.А. Григорьева — К. Маркс и его «ученики» на родине ленинизма 58

См. с Г.В.П. и В.И.З.

ВОСПОМИНАНИЯ

- З.Г. Френкель — Записки о жизненном пути 79

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

- И.Ф. Гиндин — Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте 100

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Для Меланова
№ 2152 п.и.

СООБЩЕНИЯ

- Т.В. Тиайнен** — «Государственный феминизм» в Швеции во второй половине XX века 125
- В.Б. Конасов** — Эвакуированные ленинградцы на Вологодской земле 135

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Л.М. Фуксон** — Создание сети школьных учреждений в Калининградской области в 1946—1947 гг. 145
- И.В. Денчик** — И.Н. Ефремов в борьбе за мирное обновление России 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- ✓ **В.И. Цепилова** — Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья 1920—1930-х годов 156
-
- А.С. Соколов** — Е.Г. Гимпельсон. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории 167
- В.А. Муравьев** — А.В. Каравашкин, А.Л. Юрганов. Регион докса: источниковедение культуры 169
- А.А. Слезин** — Г.П. Пирожков. Методология краеведения; его же. Теория краеведения; его же. Культурологические основы краеведческого образования; его же. Краеведение 171
- В.А. Брун-Цеховой** — «Я не могу сохранить свою жизнь с помощью убийств» 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

К. Маркс и его «ученики» на родине ленинизма

Е.А. Григорьева

Среди десятков представителей передовой общественной мысли России того полувека (1840—1890 гг.), в течение которого Россия, по выражению В.И. Ленина «выстрадала марксизм», оказалось не более трех-четырех человек таких, кто, согласно заявлению Г.В. Плеханова (1881 г.), «готовы были сделать из “Капитала” Маркса Прокрустово ложе». Остальные не искали несуществующую «единственно правильную теорию». Одни из них принимали участие в общественно-политическом движении ряда стран Западной Европы и в России — точно по Герцену, который в свое время писал: «их действия могли быть преждевременными, необдуманными, даже ложными, *но не могли не быть*, потому что «никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, выполняет их, отрекается от них»¹.

Другие, участвуя в научной работе земских статистических бюро, Российской Академии наук, Вольного экономического, Географического и других научных обществ, исследовали изменяющиеся социально-экономические реалии России. На этой основе они определяли содержание практической деятельности земств и разрабатывали систему практической политики, направленной на общественное переустройство. И те и другие искали не «единственно правильную теорию», а пути к истине.

Взгляды самого Маркса между тем испытывали на себе воздействие исследований в различных науках и не могли оставаться неизменными в течение десятилетий после 1840-х годов. Пока 25 лет Маркс работал над первым томом «Капитала», природу общества и человека изучали О. Конт, Г. Спенсер, А.В. Эспинас, Фюстель де Куланж, Г. Тард, А. Фулье в Западной Европе, а в России Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, П.Л. Лавров и его молодые единомышленники Н.К. Михайловский и С.Н. Южаков. Основоположники российской социологии изучали принципы формирования групповой солидарности (в терминологии Маркса — классов), место и роль личности в обществе, взаимодействия героев и толп.

Учитывая результаты исследований новых наук, немецкий экономист К.Г.А. Книс писал о «невозможности изучать народное хозяйство иначе, как в тесной связи с общественной средой, в которой оно поставлено, с условиями времени и места». В экономической теории, по его мнению, нельзя «довольствоваться, как исходным моментом, какой-либо исходной аксио-

Григорьева Екатерина Александровна — кандидат исторических наук.

мой»². По поводу острых дискуссий в научных центрах Европы на рубеже 1860—1870-х годов (он в эти годы получал образование в университетах Берлина, Вены и Парижа) М.М. Ковалевский писал: «Со времени появления экономического материализма и выхода в свет первого тома “Капитала” Маркса и даже его “Критики политической экономии” вся классификация ближе или далее стоящих от хозяйственной деятельности сфер общественной жизни разлетелась как прах». Ковалевский явно преувеличивал, но суждения Маркса действительно диссонировали с указанной классификацией.

Маркс утверждал примат способа производства материальных благ, с его определяющим влиянием на все стороны жизни и развития общества и человека; историческую неизбежность распространения принципов организации промышленного производства на производство сельскохозяйственное, что делало якобы неизбежной гибель крестьянской общины и мелкого крестьянского хозяйства. Групповую солидарность рабочих Маркс назвал классовой солидарностью пролетариата. Он был убежден в том, что организующая сила крупного промышленного производства, с одной стороны, и свобода рабочих от собственности — с другой, будут способствовать укреплению и росту этой солидарности, организованности и сознательной деятельности пролетариата. Индивидуальную или основанную на общинной собственности хозяйственную деятельность крестьян Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни». Не зная ничего о социальном движении вне своего ограниченного поля деятельности, утверждал он, крестьянин является антагонистом промышленных рабочих, основой мелкобуржуазной реакции, которая проявляется в деятельности партий, отражающих его интересы.

Критический анализ капиталистического способа производства, предпринятый Марксом в 1842—1867 гг., был признан значительным шагом в развитии политической экономии. Ковалевский отмечал: «Благодаря трудам Маркса гораздо лучше выяснены отдельные фазисы капиталистического развития»³. Другой русский социолог тоже утверждал, что «ученый мир не замалчивал экономическое учение этого великого экономиста», но и не преувеличивал значение его теории. Ковалевский знал Маркса лично. В 1874—1875 гг., когда он продолжал свое образование в Лондоне, его учителями были: Маркс, Спенсер, Дж. Льюис, Г.С. Мэн, Энгельс. Они прислушивались к критическим суждениям своего ученика, его мнением дорожили. Ковалевский даже в своих критических суждениях (и тогда и в последующие годы) был неизменно тактичен. Ставя рядом Спенсера и Маркса, он писал: «Один настаивал, может быть, чрезмерно, на автономии личности, другой — доводил общественную солидарность до тех пределов, при которых индивид становится бессознательным орудием производства, действующего с какой-то стихийной силой. *Оба видели истину, но, может быть, не всю*»⁴. Социологи, а вместе с ними и Ковалевский, не согласились с выводами Маркса из его экономического анализа капиталистического способа производства. Они сочли их односторонними. Михайловский, имевший возможность при жизни Маркса и после наблюдать, в первую очередь в России, искаженное восприятие его теории, приписывание ей универсализма, писал, что социологи видели это искажение. «Ученый мир замалчивал историческую теорию Маркса, которая никогда не была научно обоснованной и проверенной», — уточнял Михайловский.

Работая над «Капиталом», Маркс получал материалы из разных стран мира, изучал их на языке оригинала и использовал в своей научной работе. Начиная работу над следующим томом «Капитала», он взялся за изучение русского языка осенью 1869 г., чтобы, по его словам, «составить себе самостоятельное суждение о России». В 1870 г. он прочитал книгу В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Восхищаясь теоретической ясностью понимания автором вопроса, он поставил его работу на один уровень с книгой Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». «Письма без адреса» и другие работы Чернышевского также произвели на него благоприятное впечатление. «Браво!», — написал он на полях против

следующего рассуждения Чернышевского: «Историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных явлений, что видно только бывает, по какому направлению оно идет»⁵.

5 июля 1870 г. состоялась первая встреча Маркса с 25-летним Г.А. Лопатиным. Он изложил Марксу собственные соображения о «Капитале», и Маркс согласился с мнением собеседника, обещая учесть его замечания во втором томе, но выполнил обещание в третьем томе «Капитала». «Очень ясная критическая голова», — на следующий день в письме к Энгельсу делился он впечатлением, которое произвел на него Лопатин.

Однако и после бесед с Лопатиным, занимавшимся первым переводом «Капитала» на русский язык, и после изучения статей Чернышевского в «Современнике», посвященных анализу положения крестьян после отмены крепостного права, взгляд Маркса на судьбу крестьянской земельной собственности и самого крестьянина не изменился. В заметке «Национализация земли» (1872 г., в газете «The International Herald») он утверждал: национализация земли — общественная необходимость, против которой бессильны всякие рассуждения о правах собственности. «Земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей». Если национализировать землю, тогда исчезнут классовые различия и привилегии, а жизнь за счет чужого труда канет в прошлое. Это было иллюзией. И рассуждения в этой заметке в целом не совпали с суждениями десятилетней давности по этому же вопросу Чернышевского, который считал: «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общим владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу... Она ближе всех подходит к идеалу поземельной собственности... Каждый земледелец должен быть землевладельцем»⁶.

Право крестьян на собственность, а рабочих — на свободу выбора занятий отстаивал Михайловский. Выдержку из его «Литературных и журнальных заметок» (1872 г.) можно считать ответом на цитированную заметку Маркса о национализации земли. Михайловский писал: «Личная инициатива возможна в экономическом порядке вещей только для собственника. Бойтесь прежде всего и больше всего такого общественного строя, который отделит собственность от труда. Он именно лишит народ возможности личной инициативы, независимости, свободы»⁷.

В 1872 г. Маркс вновь обратился к «Письмам без адреса» Чернышевского. 12 декабря того же года Маркс писал Н.Ф. Даниельсону о том, что намерен «заняться подробным изучением русских материалов об аграрных отношениях в России для более полной разработки теории поземельной ренты».

До знакомства с российскими материалами сохранность российской крестьянской общины Маркс объяснял консервирующим влиянием крепостного права, но вскоре вынужден был отказаться от такого объяснения. В феврале—марте 1873 г. он изучал труды Я.И. Ростовцева, А.И. Скребицкого, А.А. Головачева, Э.Ю. Янсона, Ф.П. Скалдина. В этих трудах были подробно прокомментированы просчеты крестьянской реформы. Справедливость этих комментариев подтверждала работа В.И. Покровского, основанная на новейших статистических материалах.

Эти исследователи доказывали, что, несмотря на просчеты реформы, сказавшиеся на экономическом положении крестьян, сельское хозяйство России, основанное на общинной собственности на землю, обеспечило заметное повышение поступлений в казну и рост бюджета страны. Янсон, Скребицкий, Покровский, а в художественной литературе — Г.И. Успенский назвали это ухудшившееся положение крестьян чудовищной несообразностью. Используя первые результаты сплошного, экспедиционного, подворного обследования нескольких губерний, они предлагали меры для ее преодоления. Маркс тоже назвал это положение несообразностью и объяснение ему решил

искать в истории русской крестьянской общины, которую начал изучать по работам И.Д. Беляева, Б.Н. Чичерина, Н.В. Калачева. В том же месяце он просил Даниельсона ввести его в курс полемики между Беляевым и Чичериным. Получив журнал «Современник» с материалами этой полемики и рецензией А. Северцева на книгу Чичерина «Сельская община в России», сопоставив точки зрения сторон, Маркс поддержал точку зрения Беляева, Северцева и Калачева. Заинтересовавшись исследованием Калачева «Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях», в июле—октябре 1873 г. Маркс углубился в изучение истории права по трудам В.И. Сергиевича, К.А. Неволлина, М.Н. Капустина. К концу 1873 г. общую картину помогли ему воссоздать сочинения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.П. Скалдина.

В 1874 г. Маркс изучал прошлое и настоящее российских промысловых артелей по исследованиям Н. Эдемова, Н. Белова, А. Ефименко и вновь обратился к «Письмам без адреса» и к сочинению Скалдина «В захолустье и в столице». В 1874—1875 гг. Маркс регулярно получал от Лаврова русскую эмигрантскую литературу; ее проанализировал Энгельс. Перу Энгельса принадлежат статьи того времени «К жилищному вопросу» и «Об авторитете». Если высказывания Маркса в пользу национализации земли были ошибочными, то утверждения Энгельса в указанных статьях, как показало будущее, при восприятии их людьми определенной морально-этической направленности, оказались еще и опасными.

В 1922 г. Ф.А. Ротштейн включил извлечения из этих статей Энгельса в состав заказанного Лениным «Политического завещания Ф. Энгельса», которого тот никому и никогда не оставлял. Подборка извлечений из этих статей и писем Энгельса предназначена была для оправдания политики и практики большевистского правительства. Статья «К жилищному вопросу» была включена в состав 15-го тома первого издания сочинений Маркса и Энгельса, вышедшего из печати в самый пик сплошной коллективизации и расправы над учеными-аграриями — в 1933 году. Энгельс утверждал: только уничтожение капиталистического производства в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно прозябает в течение тысячелетий... Передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной земельной собственности. Желать низвергнуть современное буржуазное общество, сохраняя крестьянина как такового — чистейшая утопия. «Восстановление индивидуальной собственности каждого отдельного лица на его жилище было бы шагом назад»⁸. Ни больше, ни меньше. Если это трюк переводчика 1933 г. — он еще рельефнее обрисовывает антикрестьянскую сущность аграрной политики Ленина—Сталина.

В середине 1870-х годов официальные и неофициальные российские источники продолжали уводить Маркса от его прежних представлений. В 1875 г. он изучал историю российских финансов и денежного обращения, а с декабря 1875 по февраль 1876 г. — присланные Даниельсоном десять томов «Трудов податной комиссии» и «Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам». Свод был составлен Янсоном. В нем автор указывал пути вывода сельского хозяйства России из тупика, в котором оно оказалось после 1861 г. и намечал способ создания условий для развития сельского хозяйства. Первоочередной Янсон считал необходимость увеличения крестьянских наделов при правильной оценке покупаемых крестьянами земель и справедливом налоговом обложении. Предлагая справедливое перераспределение выкупных платежей, Янсон думал направить их на дальнейшее развитие крестьянской общины.

Об организации в России с 1871 г. сельских промысловых сберегательных товариществ, о сельскохозяйственном кредитовании и роли кооперации в обеспечении крестьян дешевым кредитом Маркс узнал в 1876 г. из трудов А.И. Васильчикова и П.А. Соколовского. Соколовский предпринял обобщающий анализ кооперативного движения в различных губерниях и доказывал отсутствие внутреннего разложения современной крестьянской общины, спо-

способность ее обеспечить рост благосостояния крестьянства и вместе с этим — экономической и социальный прогресс России.

Подкрепляли наблюдения Соколовского работы агронома-практика М.В. Неручева и агронома-публициста А.Н. Энгельгардта. Работы Неручева свидетельствовали о возможности и результативности использования новейших приемов агротехники и дешевых кредитов в отнюдь не крупных хозяйствах. Энгельгардт в журнале «Вопросы русского сельского хозяйства» делился опытом применения химии в сельском хозяйстве. Оба опровергали утверждение Маркса, высказанное им в заметке «Национализация земли», будто все новации в сельском хозяйстве «применимы лишь при обработке земли в крупном масштабе». Полученные Марксом из России в 1876—1877 гг. вышеперечисленные исследования и результаты статистических обследований подтверждали результативность реализации в ряде губерний — даже не в полном объеме — предложений экономистов-статистиков и ученых-аграриев. Беседы с Лопатиным и изученные Марксом исследования российских экономистов-статистиков и ученых-аграриев опровергали утверждение Маркса об «идиотизме деревенской жизни».

В этих исследованиях были отражены иные представления о мире крестьянина, впоследствии обозначенного сначала Л.А. Тихомировым, а потом П.А. Сорокиным термином психология аграризма. Составляющими этой психологии были формирующееся чувство собственности, тесная связь с природой и подчинение ее законам. Этот мир сумели понять и принять предшественники землевольцев, землевольцы и народовольцы. Осень и зиму 1877—1878 гг. в этом мире в приволжской деревушке у спасовцев жил и учительствовал А.Д. Михайлов, один из организаторов и страж «Земли и воли» и «Народной воли». В письмах к родным он назвал этот мир «отрезвляющим, очеловечивающим, выводящим из грубого эгоизма»⁹. По наблюдениям статистиков, адвокатов, выступавших защитниками на судебных процессах народников и народовольцев, по многочисленным свидетельствам современников, этот реальный мир оказывался сильнее, устойчивее того мира, который формировался главным образом на образах художественной литературы, пусть даже и самой значительной. Ленин, убежденный в том, что «мир крестьянина умещается между гумном и хлебом», следующим образом оценивал деятельность радетелей этого мира: «Васильчиков, — писал Ленин, — как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии»... «Эта идея — о поддержке при помощи кредита “народного хозяйства”, то есть хозяйства мелких производителей, при наличии капиталистических отношений... — бессмысленная идея, показывающая непонимание азбучных истин теоретической политической экономии, с полной наглядностью показывает пошлость этих господ, пытающихся сидеть между двумя стульями»¹⁰. Васильчиков в своих выводах и рекомендациях шел от изучения хозяйственной деятельности, то есть от реалий; Ленин — от «азбучных истин теоретической политической экономии».

Убедительность исследований российских ученых для Маркса усиливалась тем, что анализ социально-экономических реалий России они, как правило, совмещали с изучением таковых в Западной Европе. Это верно и в отношении Ростовцева, до своей кончины (1860 г.) возглавлявшего комиссию по подготовке крестьянской реформы. В 1866 г. появилось исследование Вешнякова «Обзор сельскохозяйственных учреждений в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Германии, Италии». Переведенная в 1873 г. в Англии, эта его работа указана в заметке Маркса «Русское на моей книжной полке». В 1862—1866 гг., первоначально в Бонне, а в 1870 г. в России, увидели свет четыре тома подробных комментариев к Положению 19 февраля 1861 г. Скребицкого. К его трудам Маркс обращался неоднократно вплоть до конца 1882 г., особенно к его «Очеркам по истории крестьянства в Западной Европе». В 1876 г. вышло в свет исследование Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и в других европейских странах». По рекомендации Маркса историей народного хозяйства и политических систем стран Европы

стал заниматься Ковалевский. И Маркс и Энгельс высоко оценивали много-томный труд Н.И. Кареева по истории народного хозяйства стран Западной Европы. П.А. Гейден отмечал, что «Россия живет жизнью всей Европы», «русский народ подлежит всемирным законам, а не особенным своим, ему якобы присущим, от которых он будто бы никогда не отступится»¹¹. Этот метод исследования импонировал Марксу.

Однако ему все чаще приходилось наблюдать попытки представить его сочинения в качестве теории «возведения социализма». Эти попытки делали как критики его сочинений, так и последователи, объявлявшие себя марксистами и верившие в объективный процесс общественного развития, в «историческую неизбежность» экономических и социальных последствий этого процесса, ожидая свершения приписываемых Марксу пророчеств.

Известно письмо Маркса в редакцию журнала «Отечественные записки». Он объяснял, как достигается и на каком основании *формируется научная теория* и предостерегал против попыток составить общеупотребительный рецепт: «Поразительно аналогичные события, но происходящие (именно *происходящие*. — Е.Г.), в разной исторической обстановке, привели к различным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления, но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности». Его заметки на полях прочитанных им книг русских авторов также свидетельствуют о том, что и свою теорию он не считал «универсальной отмычкой».

В 1878—1879 гг. Маркс изучал историю, теорию и статистику российских финансов по работам И.И. Кауфмана, Ф.А. Щербины и Н.И. Зиберы. С октября 1879 и до конца 1880 г., продолжая работу над «Капиталом», он использовал исследования Янсона, К.Д. Кошелева, П.В. Анненкова, Н.И. Костомарова и Н.А. Каблукова. Тогда же Маркс в рецензии на учебник политэкономии немецкого экономиста А. Вагнера обратил внимание на теоретические достоинства работ Зиберы¹², противопоставил его Вагнеру и подчеркнул: «Так как я никогда не возводил “социалистической системы”, то это лишь фантазия Вагнера, Шеффле и им подобных»¹³.

В начале 1881 г. Маркс работал над проблемой отмены крепостного права в России, опираясь на «Письма без адреса» Чернышевского и используя свои выписки из исследований Скребницкого, Головачева, Кошелева, Янсона, Неволлина, Даниельсона, Неручева, Скалдина, Энгельгардта. Одновременно он изучал ранее ему не известные работы Ростовцева, А.А. Исаева, А.С. Посникова, Васильчикова, Покровского, С.Я. Капустина.

Во время работы над этими исследованиями Маркс получил письмо, подписанное В.И. Засулич, но составленное и отправленное по инициативе Г.В. Плеханова (у четы Плехановых в начале марта интересовался Л.Г. Дейч о том, получили ли они ответ Маркса. К своему письму Дейч сделал приписку: «Хорошо бы нет»).

Раздумья Маркса над полученным посланием понять можно. Летом 1880 г. этот штаб «Черного передела» (без армии — добавлял Дейч) бежал из России и обосновался в Женеве. 5 ноября того же года в письме Ф.А. Зорге Маркс писал о них: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархо-коммунистически-атеистический рай. Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством». Маркс был прав, но доктринерство исходило из восприятия его первого тома «Капитала» человеком, о котором (Маркс уже знал) он не мог сказать: «ясная критическая голова».

При доктринерском подходе сочинения Маркса 1848—1867 гг. действительно давали повод упованию на объективный процесс общественного развития и «историческую неизбежность» его социально-экономических последствий. Послание 25-летнему Плеханову демонстрировало увлечение именно этими положениями «Коммунистического манифеста» и «Капитала». Немно-

гочисленные его соратники послушно следовали за ним. Доктринером предстал перед Марксом автор послания, поэтому изложение его учения в полученном послании он назвал «моей мнимой теорией». В начале марта его ответ был готов, но ни один из пяти его вариантов Маркс не отправил своим адресатам.

По существу, ответ Маркса обобщал то, что в течение десяти предшествующих лет он изучал по российским источникам. Маркс в нем предстает исследователем, который умел отказываться от иллюзий и ошибочных утверждений, если их опровергали наука и жизнь. Эта способность проявилась у него при первой и последующих встречах с Лопатиным. Таким он предстал перед Ковалевским. Таким предстал Маркс в изложении своего понимания того, как формируется научная теория и почему исключена возможность «найти единственно правильную теорию».

Ответ Маркса привожу со значительными сокращениями. «Россия — единственная европейская страна, в которой земледельческая община сохранилась в национальном масштабе до наших дней, — писал Маркс. — Она *«избегает разложения»*, так как «благодаря исключительному стечению обстоятельств»... «может усвоить положительные достижения капиталистического производства». Она *«избегает разложения»* потому, что Россия не является добычей чужеземного завоевания. Она *«избегает разложения»* «из-за привычки русских крестьян к артельным отношениям». «Община образует естественную основу коллективного производства и присвоения». «Россия может выйти из тупика, в котором находится ее земледелие, путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны. Эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны».

Возражая Плеханову, Маркс утверждал: *«Русской общине угрожает не историческая неизбежность»*, а то, что с самого начала, то есть с момента освобождения крестьян, она могла, но «не была поставлена в нормальные условия развития». И вину за это Маркс возлагал на Александра II, который «с самого начала решил дать помещикам возможно больше (а крестьянам возможно меньше), чтобы примирить их с формальной отменой крепостного права». «Нормальные условия развития» представлялись Марксу такими же, каких добивался Ростовцев. Они состояли в необходимости «снятия с общины бремени выкупа» и «обеспечения ее нормальным количеством земли для возделывания», в предоставлении общине самоуправления. Результатами земской деятельности, «цельной и обширной системы, обнимающей всю жизнь населения»¹⁴, к числу «нормальных условий развития общины» было отнесено кооперирование, теоретически обоснованное в 1870 г. Васильчиковым. Маркс тоже пришел к выводу, что русскому крестьянину нужен «кооперативный труд, организованный в широком масштабе». Нужно «оборудование, удобрение, агрономические методы». Общество должно дать источник возрождения сельского хозяйства¹⁵, писал Маркс в ответе на письмо Плеханова и Засулич.

Сумма мер, направленных на создание здоровых условий для развития сельского хозяйства России, была главной составляющей в системе «реальной практической политики», выработкой которой, по словам П.Н. Милюкова, «представители свободных либеральных профессий занимались с момента введения земств» в 1864 году. В процессе научной и разносторонней практической деятельности участники земского движения убедились в том, что создание таких условий невозможно без провозглашения демократических свобод, без конституции, которая бы обеспечивала рациональное формирование законодательной и исполнительной властей. Включение этих требований в «систему реальной практической политики» явилось бы серьезным шагом на пути к полному общественному переустройству России. В 1878 г. 20 известных земских деятелей Тверской, Самарской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний предъявили эти требования Александру II. О них шла речь на первом земском съезде, состоявшемся

1—2 апреля 1879 г., в работе которого приняли участие более тридцати земских деятелей (в их числе были И.И. Петрункевич, Ковалевский, А.И. Чупров, В.А. Гольцев). На эти требования обратили внимание правительства Чупров, С.А. Муромцев и В.Ю. Скалон, подписавшие записку о состоянии народного хозяйства и подавшие ее в 1880 г. министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову.

В этом направлении работала мысль дальновидных политиков «Земли и воли». Не случайно перед тем, как подать упомянутую петицию Александру II, земские деятели договорились с В.А. Осинским, Д.А. Лизогубом и С.М. Кравчинским о приостановке ими своей деятельности, чтобы дать правительству время ответить на выдвинутые требования. Об этом эпизоде рассказывал Петрункевич Милюкову.

Летом 1879 г. группа землевольцев объявила о создании партии «Народная воля». В ее программном документе «Подготовительная работа партии» в качестве первоочередных были обозначены требования: провозглашение демократических свобод, принятие конституции и минимум экономических реформ — правильная нарезка земли крестьянам за счет помещичьих земель и установление аграрного и фабричного законодательства. В разработке этой программы принимали участие признанный теоретик «Народной воли» Л.А. Тихомиров и весьма авторитетный в их среде Михайловский. Вспоминая об этом времени, Тихомиров назвал своих бывших друзей «конституционалистами 1881 года».

Ознакомившись с программным документом «Народной воли», Маркс подчеркнул те пункты, которые, по его словам, свидетельствовали о взрослении русских революционеров. В письме М.Н. Ошаниной (октябрь 1883 г.) Лопатин сообщал ей о том, что еще в начале 1870-х годов Маркс соглашался с ним в определении этих требований в качестве первоочередных задач борьбы революционной партии в России.

По свидетельству Дейча, они, то есть штаб «Черного передела» во главе с Плехановым, были единственными, кто, обосновавшись в Женеве, стал изучать в 1880 г. опыт немецкой социал-демократии, а между собой договорились: «Вот когда возникнет волнение в народе — тогда мы и пойдем», то есть вернемся в Россию для работы во имя ее будущего. Добровольно освободивший себя от изучения российских социально-экономических сдвигов (он мало интересовался жизнью, вспоминал Я.В. Стефанович), ослепленный картинами свершений германской социал-демократии, Плеханов считал программу «Народной воли», по свидетельству того же Дейча, «построенной на зыбучих песках», а А.И. Желябова назвал «приспешником либералов»¹⁶. Программу «Народной воли» он подверг резкой критике. Об этом сообщил Маркс 5 ноября 1880 г. в письме Зорге, отвергая теоретическое доктринерство, практическую бездеятельность и, смею добавить, нравственно — этическую несостоятельность оппонентов «Народной воли».

На эти требования либеральной общественности и революционной демократии правительство Александра II ответило шестью казнями в 1879, шестью казнями в 1880, пятью казнями в 1881 году. Кроме того, в те же три года 13 народовольцев были осуждены на вечную каторгу, многие умирали в крепостях, тюрьмах, на каторге и в ссылке. Александр II понимал необходимость уступок, но, прислушиваясь к советам правящей элиты, медлил. Из трех вариантов реформирования политической системы, предложенных Лорис-Меликовым, он выбрал самый консервативный, который предусматривал лишь увеличение численного состава Государственного совета. Это промедление стоило ему жизни. Правительство Александра III начало с того, что в 1881 г. отменило подушную подать, сократило выкупные платежи и допустило расширение землевладения при посредничестве Крестьянского банка. Это была уступка требованиям либеральной и революционной демократии. Но дальнейших шагов к созданию нормальных условий для развития сельского хозяйства и общественного переустройства страны россиянам пришлось ждать до 1906 года.

В ответе Плеханову и Засулич судьба крестьянства представлялась Марксу уже иной, чем в его сочинениях 1848—1872 годов. «Нужно создать средний класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян, а большинство крестьян превратить в пролетариев», — писал он. (В пролетариев, но не по Энгельсу в его статье «К жилищному вопросу», а по Конту (1854 г.): «Дать им здравые общественные представления о порядке, собственности и семье... обеспечив им право собственности на жилище и имущество, выставить им знамя строителей»¹⁷.) И еще по Михайловскому: предоставить им право свободного выбора занятий. Об этом Михайловский писал в 1872 году. Чтобы предлагаемые меры дали положительный результат, необходимо, считал Маркс, «заменить волость, учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы»¹⁸. (Ростовцев предлагал эту меру в 1859 году.)

О том, каким представлялся Марксу и Энгельсу путь общественного переустройства России, Лопатин писал Ошаниной после беседы, состоявшейся между ним и Энгельсом в сентябре 1883 г.: это будет приятно для вас; Энгельс «тоже считает (как и Маркс, как и я), что задача *революционной* партии или партии *действия* в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы... выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, провозвести такой беспорядок, который бы принудил правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный *энтузиазм* к делу полного общественного переустройства»¹⁹.

В момент раздумий над ответом на послание Плеханова и Засулич Маркс получил «Открытое письмо» Исполнительного комитета (ИК) «Народной воли» Александру III. В нем было сказано: «Мы положим оружие только тогда, когда правительство искренне и навсегда откажется от угнетения народа, созовет свободно избранных всей русской землей людей земских и верит им судьбы государства. Мы боремся исключительно против неограниченной царской власти и призываем помочь нам все общество»²⁰. Прочитав «Открытое письмо» «Народной воли» новому царю, Маркс назвал народо-вольцев «людьми с государственным складом ума». После казни первомагтовцев, которая была совершена 3 апреля 1881 г., свое мнение о Плеханове и его соратниках Маркс повторил 11 апреля в письме дочери Женни Лонге: «Они лишь доктринеры, пуганые анархо-социалисты. Их влияние на театре военных действий равно нулю», и назвал их фразерами. Желябов величал их резонерами. Суть одна. По отношению к таким «марксистам» Маркс говорил: «Я, во всяком случае, не “марксист”». Каким был Маркс не канонизированный, Д.Б. Рязанов услышал в конце 1890-х годов в беседах с Лавровым.

Происходившие в России сдвиги Маркс изучал и в 1882 году. «Собственные суждения о России», сложившиеся у него в результате изучения источников в течение 12 последних лет его жизни, Маркс изложил в резюме «К вопросу об отмене крепостного права в России», в ответе Плеханову и Засулич, в «Заметках о реформе 1861 года и пореформенном развитии России» и в III томе «Капитала». Далеко не все успел он сделать, но скорректировать многие свои прежние представления он успел. В III томе «Капитала», по словам Б.Д. Бруцкуса, Маркс «дал другую теорию — она менее противоречит действительности».

Указанные работы Маркса имеют принципиальное значение. Первым стал известен ответ Маркса Плеханову и Засулич. Энгельс нашел его в бумагах умершего друга и в апреле 1884 г. отправил по назначению. Вместо ответной реакции на письмо Маркса, Плеханов опубликовал в 1885 г. вторую свою статью «Наши разногласия». В ней деятельность землевольцев и народо-вольцев была представлена как сугубо реакционная, как упадок теорети-

ческого и практического уровней движения после Чернышевского, хотя философская мысль Чернышевского тоже была искажена Плехановым, как, впрочем, и все развитие общественной мысли России. Участникам движения 1870—1880-х годов Плеханов предъявил умозрительное обвинение — «враждебное выступление против немецкой социал-демократии». Не «марксист» Плеханов, а третируемые им Лавров, Тихомиров и Ошанина опубликовали ответ Маркса в № 5 «Вестника Народной воли» в 1886 году. В этом же номере журнала они поместили письмо Маркса в журнал «Отечественные записки» 1877 года. В том же году литографированное издание этих сочинений Маркса предприняли народовольцы в России. В переводе с русского языка его опубликовали немецкие социал-демократы. В 1912 г. ответ Маркса вошел в 4-томное издание переписки Маркса и Энгельса, подготовленное Э. Бернштейном. В 1924 г. Рязанов поместил его в № 1 редактируемого им сборника «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». «Заметки о реформе 1861 года и пореформенном развитии России» впервые увидели свет в нашей стране в 1952 году. Резюме «К вопросу об отмене крепостного права» впервые было опубликовано лишь в 1961 году (Соч., т. 19). О новациях, внесенных Марксом в III том «Капитала», Энгельс сообщил в июне 1886 г. в письме Даниельсону, но подготовить этот не законченный Марксом том к печати он смог только к началу 1890-х годов. На английском языке этот том увидел свет в 1894. Центральный комитет цензуры иностранной очень быстро откликнулся на его появление и поручил русскому социологу Е. де Роберти составить отзыв о всех трех томах «Капитала», чтобы разрешить или запретить перевод и издание этого труда Маркса на русском языке.

Основные рекомендации Маркса, изложенные им в ответе на послание Плеханова и Засулич, совпали с теми, которые к 1881 г. уже составляли «систему реальной практической политики» либеральной и революционной демократии. В случае принятия этого пути всем народом и обществом, он мог быть реализован без катастроф и разрушительных революций. К такой реализации направляла свои усилия и значительная часть революционной молодежи, которая, согласно отчетам, привезенным Лаврову О.М. Говорухиным из Петербурга и Н.В. Рудевичем из Вильно, «особенно серьезно изучала экономическое состояние России»²¹.

Русская земская статистика не была известна Плеханову. В феврале 1887 г. он писал: «Жизнь в России мне теперь мало известна»²². Доходившие до группы «Освобождение труда» сведения о результатах реальной практической политики вызывали «озабоченность» следующего плана: в России «одни становятся социалистами в нашем смысле слова, другие все больше усваивают чисто буржуазные взгляды»²³, — сообщила Засулич Энгельсу в 1885 году. Она не подозревала, какое важное признание делала. Оно подтверждало наблюдения и выводы родоначальников русской социологии: Лаврова, Михайловского и С.Н. Южакова о том, что групповая солидарность формируется не на основе социальной принадлежности и отношения к орудиям производства, а на основе общности интересов и в немалой степени зависит от морально-этических принципов, которыми руководствуются индивиды, осознающие групповую солидарность. Как у индивидов, так и в группах проявляется различие научных интересов и духовных запросов, которые в конечном итоге определяют содержание, направленность поступков и практическую деятельность групп. Проявление этого наблюдали те, кто информировал в 1880-е годы Лаврова, с одной стороны, и Плеханова — с другой. Те, кто, по мнению Засулич, «становился социалистом в нашем смысле слова», по определению С.М. Гинсбург, усваивали плехановщину. Об этом она сообщила Лаврову в письмах и во время своей нелегальной поездки за границу. Сообщила она после того, как посетила революционные центры в России.

Об этом говорилось и в привезенных Лаврову отчетах. Составители их писали о том, что *другие* — те, которые, согласно утверждению Засулич, «все больше усваивали чисто буржуазные взгляды», — тоже читали Плеханова, «не-

смотря на его непопулярность и неприлично грубую и резкую полемику», но больше читали Маркса. Им принадлежала инициатива литографирования ответа Маркса Плеханову и Засулич. Они объединили свои усилия с земским движением и приняли участие в подготовке совместного издания за границей газеты «Самоуправление». Они соглашались с требованиями представителей реальной практической политики: отказаться от террористической борьбы, от мысли о захвате власти, о перевороте, народном бунте и социальной ликвидации²⁴.

В 1891 г., выступая на Базельском конгрессе Интернационала, Плеханов заявил, что «вся борьба “Народной воли” была сведена к либерализму». Деятель, которому «жизнь в России была мало известна», разоблачал несостоятельность тех, кому эта жизнь была хорошо знакома. Своим заявлением, что эти знатоки России не способны на что-либо дельное, Плеханов демонстрировал личную неприязнь к тем, кто некогда ущемил его тщеславие. В угоду составителям резолюции конгресса, направленной против анархизма и анархистов, он утверждал, что и в рядах народовольцев «безраздельно господствовал анархизм», усвоенный Лавровым и лавристами по традиции от Чернышевского и даже В.Г. Белинского. Плеханову удалось невозможное: он соединил либерализм с анархизмом! Отсюда лишь шаг до сталинского кредо: кто не с нами — тот против нас, тот — «враг народа». А пока: если *становятся социалистами не в нашем смысле слова*, значит это буржуазные взгляды, значит, их можно подвергать «неприлично-резкой, грубой критике».

Фальсификация становилась неременным атрибутом такой «критики». 31 марта 1909 г. газета «Vorwärts» опубликовала заметку Плеханова, в которой он утверждал: «Мы были убеждены в том, что сумеем *заставить умолкнуть* (сугубо демократический прием. — Е.Г.) все клеветы против социал-демократии». В 1920-е годы, в обстановке уже разворачивавшихся репрессий соратники Плеханова так обосновывали «правомерность» своей фальсификации: «Репрессии и обстановка в лагере революции *диктовали необходимость ликвидировать* (переход от слов к делу? — Е.Г.) *утопическую социалистическую идеологию революционного движения народничества в пользу марксистской или социал-демократической*»²⁵.

Не останавливаясь ни перед чем, Плеханов отстаивал усвоенную им доктрину. Этому были посвящены все его сочинения и устные выступления, начиная с 1881 года. Молодые современники в России справедливо называли представления Плеханова плехановщиной. Эти представления о путях общественного переустройства страны противоречили результатам научной и практической деятельности либеральной и революционной демократии России. Впервые Плеханов изложил эти свои представления в письме Лаврову (сентябрь 1881 года). Письмо писано человеком, склонным к манере повелевать. Ее он и пытался использовать, претендуя на роль редактора журнала «Вестник Народной воли». До этого Плеханов пытался использовать эту свою способность в «Земле и воле». Но землевольцы не приняли его лидерства в организации и не доверили ему редактирование своего печатного органа. О претензиях Плеханова знали и народовольцы; они тоже не позволили Плеханову редактировать их журнал «Вестник Народной воли». На авторитарность своего лидера жаловались его ближайшие соратники: Аксельрод, Дейч и Стефанович. По свидетельству Тихомирова, близко знавшего Плеханова в течение 1875—1888 гг., он был страстным приверженцем однажды усвоенной им доктрины, совпадавшей с его стремлениями. «Если жизнь вырывалась из круга его доктрины, он скорее бы обвинил жизнь, чем свою доктрину. Сказал бы, что ошибается жизнь, а не его теория. Полемика его была пропитана доказательством своего превосходства. Она проявлялась и в личных отношениях, особенно в столкновениях с людьми “маленькими”»²⁶. «Маленькими» оказывались все, кроме тех, кого Плеханов не мог не признать выше себя. Например, Энгельс, с которым его познакомил С.М. Кравчинский (невежда и поклонник Ж. Прудона, по определению Плеханова).

В письме Лаврову (сентябрь 1881 г.) свою претензию на редактирование «Вестника Народной воли» Плеханов мотивировал тем, что был готов сделать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников журнала и, очевидно, для всех его потенциальных читателей. Тогда речь могла идти лишь о первом томе «Капитала». Всем несогласным укладываться в это ложе он, по его словам, «объявлял войну не на жизнь, а на смерть». Разве это заявление Плеханова — не показатель отличия его нравственно-этических принципов от тех, которыми руководствовались и Маркс и Энгельс? Мы никому не навязывали своих идей, «всякая попытка влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред»²⁷, — писал друг Маркса. Позаимствовав у Маркса тезис о мелкобуржуазной реакции, Плеханов сообщал в письме Лаврову: «Для меня лучше гильотина, чем эта мелкобуржуазная реакция»²⁸. «Мелкобуржуазную реакцию» Плеханов вскоре заменил заимствованным у немецких социал-демократов тезисом об «одной реакционной массе». Против этого тезиса, когда его выдвинул Ф. Лассаль, выступал Маркс. До конца своих дней доказывал несостоятельность и опасность этого тезиса Энгельс²⁹.

В статьях и выступлениях на конгрессах Интернационала, в письмах Лаврову, Кравчинскому, Энгельсу, В. Либкнехту и в переписке с членами группы «Освобождение труда» Плеханов демонстрировал отторжение не только от теоретических, но и от важнейших этических принципов Маркса.

В 1870 г. вместе с Энгельсом он поддержал выступление Лопатина против С.Г. Нечаева и нечаевщины. Подготовленный друзьями Лопатина и переданный Марксу материал о нечаевщине Энгельс использовал в докладе конгрессу I Интернационала. Осуждая Нечаева, Энгельс заявил: «Одним из его главных принципов является утверждение, что верность своему слову и тому подобные вещи — просто буржуазные предрассудки, которыми истинный революционер в интересах дела должен всегда пренебрегать». О нечаевщине Маркс и Энгельс держались определенного мнения: «Если принять такие основания для будущего общества, то будущее общество далеко превзойдет Парагвай преподобных отцов-иезуитов».

Такое государство предполагал «подарить» россиянам и Плеханов. «Когда “мы” будем у власти, никому, кроме “нас”, никаких свобод “мы” не предоставим», — это откровение Плеханова относится к марту 1893 года. А. Воден, которому довелось его услышать, рассказал об этом Энгельсу. В ответ Энгельс просил Водена «передать Плеханову, что он не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению скорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся “реакционная масса”, считая такое *предельное* противопоставление нецелесообразным для 1893 года». Продолжая беседу с Воденом, Энгельс советовал русским социал-демократам «воздерживаться от пользования этим отравленным оружием и, в частности, от выдавания возможной в будущем эволюции направлений за непосредственную актуальность»³⁰.

Не без причины Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, А.П. Мартынов, А.Н. Потресов в «Открытом письме», отправленном в 1912 г. ветеранам Аксельроду и Засулич, назвали Плеханова инсинуатором. Именно из-за моральных принципов, которыми руководствовался в своих поступках Плеханов, ни в теории, ни в идеологии он не был марксистом в том понимании, которое считали бы приемлемым Маркс и Энгельс. Внимание их обоих привлекал поиск (не без иллюзий и находок, ошибок и потерь) путей демократизации общества. Поэтому они считали своим приобретением тесное общение с Лопатиным, Лавровым, Ковалевским, Зибером, Кауфманом, Даниельсоном, Кравчинским и полученную при их содействии возможность приобщения к передовой русской общественной мысли и к ценнейшим источникам, отражавшим состояние России.

На воспоминаниях Водена могло сказаться влияние времени. Однако тональность его сообщения совпадает с тем, что по этому поводу писал сам

Энгельс в письмах Бернштейну, А. Бебелю, Засулич, Плеханову, что нашло отражение в переписке Плеханова и Аксельрода, в воспоминаниях Н.С. Русанова о его встречах с Энгельсом в 1892 году. Правы были Ковалевский, Струве, де Роберти, Исаев и другие в том, что Маркс не разрабатывал в своих сочинениях этические проблемы. Но он ведь и не считал свою теорию «универсальной отмычкой».

В его переписке, в воспоминаниях современников прослеживается морально-этическая позиция Маркса. Толкователи его учения постарались скрыть ее и сотворить канонизированный образ Маркса. Однако задолго до их утверждения у власти те, кто владел знаниями, критический исследовательской мыслью, пережив в молодости увлечение марксизмом, уходили от доктринерского «марксизма» и экономического материализма. Так поступили Ковалевский, Русанов, Исаев, Струве, В.А. Оболенский, Н.А. Бердяев, А. Белый, К.М. Тахтарев.

С самого начала «марксизм», как и ленинизм, был «детисцем теоретиков», склонных к мистификации, которые старались привлекать и удерживать в своем ближайшем окружении таких же последователей. В.И. Ульянов считал Плеханова своим любимым учителем. Оба имели склонность повелевать. Но Ульянову вернее удавалось сламывать колеблющихся, привлекать и удерживать около себя близких своей натуре соратников, придававших наукообразное содержание его доктрине и участвовавших в ее распространении.

Российские и западноевропейские социологи видели различие между Марксом и его толкователями. «Слишком пылками, но не очень вдумчивыми адептами Маркса» называл этих толкователей трудов своего уважаемого учителя Ковалевский. Михайловский называл их «марксятами». Кареев писал, что Плеханов и Ленин были не исследователями, а адептами Маркса. Труды Ковалевского после 1918 г. стали издавать в России лишь в 1996 г., а Кареев получил в советское время ярлык «эклектика, идеалиста» и «обвинение» в том, что он «с 1890-х годов боролся против марксизма». В 1894 г. в рецензии на три тома «Капитала» де Роберти отметил: «У Маркса тон спокойный и объективный, а толкователи его резкие и страстные и сводят роль отдельной личности к нулю». На вопрос, поставленный перед ним Центральным комитетом цензуры иностранной, о разрешении или запрещении перевода и издания в России «Капитала» де Роберти писал: «Запрещение или разрешение “Капитала” не может играть никакой роли в развитии социалистических идей в России... Сочинение это настолько серьезно, так трудно и отвлеченно изложено, что доступно лишь немногим завзятым поклонникам марксизма... Распространение марксизма опирается в России не столько на серьезную, научную переработку западноевропейских идей, сколько на простое подражание внешним формам западноевропейского движения»³¹.

Между тем это движение давно уже не было даже относительно однородным. В России те, кто руководствовался результатами научного анализа социально-экономических сдвигов, тяготели к умеренному крылу европейской социал-демократии. Ленин и его соратники — к радикальному его направлению. По здравом размышлении цензура решила «снять приманку запретности» и разрешить издание всех трех томов «Капитала» на русском языке, сохранив запрет на два предисловия Маркса к этому произведению и на его популярные изложения. В 1896—1898 гг. три тома «Капитала» вышли из печати в России. Прав был Михайловский: для догматического усвоения наследия Маркса (особенно в интерпретации Плеханова и Ленина) «не нужно было ни научных знаний, ни критической мысли, а нужна была одна вера»³² в то, что так должно быть, потому что так «сказал» Маркс, или Плеханов, или Ленин, потом Сталин и т.д. Но Плеханов хотя бы откровенно сказал о том, что имя Маркса ему нужно «для воздействия на публику».

Как и его учитель, Ленин тоже начал с упования на объективный процесс общественного развития. В.В. Водовозов, встречавшийся с молодым Ульяновым в Самарской губернии в 1891—1892 гг., рассказывал, что Ленин грубо насмеялся над усилиями «Комиссии по оказанию помощи голодаю-

щим», в которой с ним работали: Л.Н. Толстой, П.А. Гейден, П.Д. Долгоруков, В.А. Оболенский и другие. Ленин считал их деятельность реакционной, якобы сдерживающей прогрессивные процессы, протекавшие в деревне. Как и его учитель, он примерял усвоенную им доктрину, к реальной ситуации и был убежден в том, что крестьянская община должна распадаться, крестьянство должно расслаиваться (Плеханов в 1892 г. считал этот процесс уже завершенным), противоречия в деревне должны обостряться, с «исторической неизбежностью» вызывая классовую борьбу.

Считая себя марксистом, Ленин в первой же своей статье «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» показал себя сторонником предельного противопоставления социалистов демократам и отверг идею Маркса и Энгельса об объединении сил в борьбе за демократию. «Русским социалистам давно бы пора понять... НЕИЗБЕЖНОСТЬ и НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЛНОГО и ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА с идеями демократов», — указывал он в 1893 году ³³.

В свое время Плеханов позаимствовал у Маркса фразу об «идиотизме деревенской жизни» — она соответствовала усвоенному им в детстве и отрочестве отрицательному отношению к миру крестьянина. В Государственном архиве Липецкой области хранится документ с отметкой ЦО — особо ценный. В нем сообщается о том, что над бабушкой Плеханова была учреждена дворянская опека за издевательства над крестьянами. По воспоминаниям Аксельрода, даже случайные встречи со швейцарскими крестьянами вызывали у Плеханова приступы раздражения. Это презрение к миру крестьянина Ленин формулировал несколько иначе. Он утверждал, что мир крестьянина умещается между гумном и хлевом, поэтому считал этот мир реакционным.

Исповедуя марксизм, Ленин отверг рекомендации по созданию нормальных условий для развития сельского хозяйства России, научно разработанные теоретиками и использованные практиками земского движения на протяжении 1864—1900 годов. Эти идеи учитывал Маркс в суждениях о путях общественного переустройства России. В 1890-е годы создания таких условий для развития мелких крестьянских хозяйств и крестьянских общин добивались в парламентах социалисты Э. Давид и Р. Фольмар в Германии, Ф.О. Герц в Австрии, Э. Вандервельде и Г. Дени в Бельгии, Ж. Жорес и его единомышленники во Франции. В сентябре 1895 г. Ленин присутствовал на собрании, посвященном принятию аграрной программы немецких социал-демократов. Он слышал, как при обсуждении доклада К. Каутский и А. Бебель высказывались за такую аграрную программу, которая бы «не препятствовала нормальному развитию буржуазного общества и не могла быть вредной для всего общества и для рабочего класса» ³⁴.

Научную обоснованность их требований подтверждало исследование Исаева. Он написал книгу «О социализме наших дней». Сопоставив программы и направленность практической деятельности умеренных и радикально настроенных социалистов (последние провозглашали себя «верными» последователями Маркса), он доказал, что эти «марксисты», российские и западноевропейские, «перечеркнули действительно научный анализ». Соглашаясь с ним, Д. Далин и Ст. Иванович уточнили: «Марксисты» «заменили необходимость научного анализа революционным нетерпением».

То, в чем Маркс видел смысл, его «преданные» последователи сочли бессмыслицей. Плеханов и вслед за ним Ленин подвергли умеренных социалистов грубой критике. С особенно жестокой критикой Плеханов обрушился на Бернштейна, хранителя архива Маркса и душеприказчика Энгельса. В 1880-е годы он был для Плеханова непререкаемым авторитетом. На рубеже 1890—1900-х годов, разбирая архив Маркса и Энгельса, Бернштейн делал для себя открытия и, выступая в социалистической печати, делился этими открытиями с читателями. Эти открытия не совпадали с усвоенной Плехановым доктриной, поэтому Бернштейн был объявлен ревизионистом и оппортунистом. «Я никогда не буду критиковать Бернштейна с такой силой, к которой вы слишком привыкли», — отозвался на эту «критику» Поль Лафарг ³⁵.

В 1912 г. Бернштейн издал 4 тома переписки Маркса и Энгельса. Плеханов и его соратники узнали о том, как характеризовали их в свое время и Маркс и Энгельс и были обижены. В результате Энгельс тоже был превращен в ревизиониста и оппортуниста. Когда же поинтересовались у них тем, какова была их реакция на ответ Маркса на их послание февраля 1881 г., заявили, что не помнят такового.

Ленин считал манеру «критики» Плеханова превосходной и не только позаимствовал его приемы, но и превзошел его. Работу Э. Давида «Социализм и сельское хозяйство» Ленин назвал «главным трудом ревизионизма в аграрном вопросе». Об Исаеве авторы комментариев к Полному собранию сочинений Ленина в строгом соответствии с его указаниями писали: «Экономическое учение К. Маркса толковал в духе буржуазного реформизма, высказывался за земельную общину, промысловые артели и кооперативы как формы, якобы дающие мелкому хозяйству преимущества крупного и облегчающие переход к социализму»³⁶.

С самого начала Маркс не увидел в Плеханове и его соратниках своих достойных учеников. Когда научно обоснованный и получивший практическое подтверждение путь общественного переустройства России оформлялся в программы либеральных и революционных партий (буржуазных и мелкобуржуазных — в ленинской интерпретации), с резкой критикой этих программ выступил молодой Ульянов, уверенный в том, что владеет «единственно правильной теорией». В стране, где 74,3% населения указали сельское хозяйство как свое основное занятие, игнорировать крестьянство в планах и политике было невозможно. Отсюда идея ленинизма о том, что крестьяне должны разделить ответственность за социальную революцию в России — вместе с рабочими поддерживать рвущуюся к власти коммунистическую партию. В ленинизме эта идея приняла формулу союза рабочего класса с крестьянством. В статье «Рабочая партия и крестьянство» Ленин утверждал: «Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы». Далее началось распространение красных вымыслов по вопросу о судьбе российского крестьянства: «От гнета капитала, — утверждал Ленин, — мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему (то есть Ленину с его соратниками. — *Е.Г.*) в его борьбе за социалистический строй (о котором вождь сам не имел ясного представления. — *Е.Г.*), за превращение земли, как и других орудий производства... в общественную собственность»³⁷, о которой крестьяне никак не мечтали.

Идею о внесении классовой борьбы в деревню с целью ускорить расслоение крестьянства, чтобы, наконец, исполнилась якобы предсказанная Марксом неизбежная гибель крестьянской общины, рост численности пролетариата и осуществление им своей исторической миссии, Ленин заимствовал в 1895 г. у немецких социал-демократов. Из трех подходов к решению аграрного вопроса, обсуждавшихся на упомянутом собрании, Ленин заимствовал самый радикальный. В своих противников он превратил экономистов-статистиков и ученых-аграриев и подверг разгромной критике все, что было сделано ими за 40 лет изучения социально-экономических сдвигов в России. Как отметил Р. Конквест, «лучшим методом победить в политическом споре Ленин считал любым способом очернить противника»³⁸. Доказанную статистическими обследованиями до середины 1880-х годов и подтвержденную обследованиями 1890-х жизнеспособность общины, слабое и далеко не повсеместное расслоение крестьянства, возможность устройства результативных и крупных хозяйств в виде артелей, товариществ, на основе кооперирования и дешевого кредитования — Ленин бичевал: «увлекаются общиной, сельскохозяйственной кооперацией» и «прикрывают свои буржуазные классовые интересы отрицанием классовой борьбы вообще». Ленин подверг грубым нападкам специалистов за то, что они «не увидели процессов, давно (в

1848—1867 гг. — Е.Г.) описанных в “Капитале” Марксом». Чупрова, знавшего труды Маркса, Ленин обвинил в том, что он представил Маркса сторонником не революции, а эволюции. По поводу ссылки Щербины на то, что в своих исследованиях, основанных на собранных им самим статистических материалах, он «пользуется теорией “известного политико-эконома Маркса”», Ленин заявил: «Он прямо извращает эту теорию»³⁹. Григорьев, М.А. Плотников, А.И. Скворцов, Н.Н. Черненко, Карышев оказались виноватыми в том, что «не увидели», «не изучили» «очевидный» Ленину процесс дифференциации крестьянства и не подтвердили «рост капиталистических противоречий внутри общины» — ведь у него уже созрело решение о «внесении классовой борьбы в деревню».

В 1880 г. английский премьер-министр У. Гладстон заявил: «Кто хочет иметь дело со слабой Россией, тот должен стремиться к тому, чтобы она оставалась деспотической». Как и полагали реальные практические политики, а с ними и Маркс, сила России могла произрасти из демократизации общественного устройства и создания нормальных условий для развития аграрного сектора страны.

Идея Ленина о внесении классовой борьбы в деревню была предвестницей катастрофы. Бруцкус заметил: «Опора на процесс расслоения крестьянства — это зверская затея»⁴⁰. Это согласуется с выступлением Я.М. Свердлов, который разъяснял: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря... если мы сможем разжечь ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, — только в том случае мы можем сказать, что мы в деревне сделали то, что мы могли сделать для города»⁴¹. Тем, кто усомнился бы в достоверности этого высказывания Свердлова, будет полезна выдержка из выступления Г.Е. Зиновьева на Петроградском губернском съезде советов в январе 1919 г.: «На базе помещичьих имений следует создавать коммуны. Но в богатые имения крестьян не пускать, так как они через 3-4 года станут мелкобуржуазными. Надо сделать так, чтобы крестьяне не считали землю собственностью, чтобы и конский труд считался общественным, чтобы скорее подойти к коммунистическому аграрному строительству... Единоличникам — никаких семян, никаких сельскохозяйственных орудий»⁴².

Что общего в этой аграрной политике «марксистов»-ленинцев с теми идеями о путях решения аграрного вопроса, которые высказывали в свое время Чернышевский и Маркс и которые подтверждала наука и практика до 1917 года? Правы были А.В. Пешехонов, Исаев, Чупров, А.Н. Челинцев, В.А. Мякотин, Бруцкус, С.С. Маслов и другие, предупреждавшие об опасных последствиях экономической политики большевиков. К уничтожению методами террора жизнедеятельного крестьянства, теоретиков и практиков земского движения, противостоявших его затеям, Ленин был готов задолго до октябрьского переворота. В 1901 г. он заявил: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора», а в 1922 г. пообещал: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Предложенный Марксом путь не был «возведением социализма». Попытки приписать ему такие намерения Маркс отвергал. Он писал об этом в 1879 г. в рецензии на учебник политэкономии Вагнера. На то, что идея социализма еще не разработана даже в теории, Энгельс обратил внимание Лопатина в 1883 году. Эта идея так и осталась неразработанной. Те, кто заменил «необходимость научного анализа революционным нетерпением», не могли ее разработать ни вместе, ни каждый в отдельности.

На рубеже XIX—XX вв. между Плехановым и Лениным разразилась полемика о «правильном» понимании Маркса. Оба страстные приверженцы доктрины, они этим беспредметным спором прикрывали свою борьбу за лидерство. Как вспоминал Мартов, на II съезде РСДРП (1903 г.) решался вопрос о том, быть или не быть диктатуре в партии. С незначительным боль-

шинством голосов была утверждена диктатура Ленина. Спор между ними о классах, классовых противоречиях и преодолении их только посредством революции служил лишь ширмой для властолюбцев.

В преодолении противоречий Энгельс придавал немалое значение парламентской тактике⁴³. Поначалу у него вызывало удивление то, что, казалось, непримиримые противоречия между лассальянцами и эйзенахцами отпали, как только их представители оказались в германском парламенте и смогли провести ряд законов в интересах своих избирателей. Несомненным успехом Энгельс считал то, что в 1891 г. социал-демократам удалось провести в рейхстаг 25 депутатов вместо шести в 1886 году. И в Парижской Коммуне он позднее отдавал предпочтение той группе коммунаров, которая стремилась организовать выборы на основе широкой добросовестной агитации с предоставлением избирателям права отзыва депутатов, не оправдавших их доверия. Ленин же 10 лет спустя борьбу за российский парламентаризм назвал «заигрыванием господ либеральных буржуа с царским правительством». Их союз с мелкобуржуазными партиями (в ленинской терминологии) оказался, по Ленину, «отравой, способной нанести действительный вред» «заражением» масс идеями политического демократизма и парламентаризма. Меншевикам Ленин угрожал тем, что сумеет по отношению к ним внушить «ненависть, отвращение и презрение рабочих»⁴⁴.

Ширмой, скрывавшей действительные цели и желания Плеханова и Ленина, был спор между ними о диктатуре пролетариата. Как и в случае с учением о социализме, упоминая о диктатуре пролетариата, Маркс никак не разъяснял смысл этого термина. В 1893 г. Плеханов назвал диктатуру пролетариата правительством, представленным «нашими лучшими товарищами, правильно понимающими учение Маркса и делающими из него правильные выводы». Критерии определения этой «правильности» он посоветовал искать в своих собственных сочинениях. Разительное сходство в этом отношении между Лениным и Плехановым обнажало разительное отличие их обоих от Маркса, заключавшееся между прочим и в отказе от любых моральных ограничений. В 1905 г., возвратившись в Россию и увидев «лицо» русской революции, Ковалевский записал: «Красные хулиганы стоят черных (черносоптенцев. — *Е.Г.*). Никто не хочет учиться, и все заняты тем, чтобы внедрять в других “честные” убеждения клеветой и физическим насилием»⁴⁵. «Нечаевых» в действии увидел и услышал он. О том, каковы они были, объявил известный большевик П.А. Красиков: «Наша тактика: “Все — в морду!” “Кадет — так кадету в зубы!” “Эсер — так эсеру в ухо!” “Меньшевик — так меньшевику — в рыло!”» К оценке партийного работника нельзя подходить «с узенькой меркой мешанской морали», «иной мерзавец, может быть, тем и полезен, что он мерзавец», — утверждал свое «нравственное» кредо «великий вождь». И в ЦК партии Ленин считал полезным иметь «несколько интеллигентных негодяев», преодолевших в себе «остатки либеральных благоглупостей». Подводя итоги первой русской революции, он заявил: «На баррикаде взломщик-рецидивист будет лучше Плеханова»⁴⁶. В 1912 г., когда эсеры предупредили Ленина о том, что член ЦК его партии Р.В. Малиновский является провокатором, он ответил: «В большом хозяйстве всякая сволочь пригодится».

Свое признание о том, что его партия «принципиально не может отказываться от террора», Ленин начал реализовывать сразу после захвата власти. В ноябре 1917 г. были арестованы члены партии кадетов. 7 декабря была учреждена Всероссийская Чрезвычайная комиссия — ВЧК, которая в скором времени решила судьбу членов Временного правительства и остальных политических партий. В январе 1918 г. большевики разогнали законно избранное Учредительное собрание, в котором партия Ленина не получила преобладания. После этого с «Открытым письмом Ленину» выступил В.М. Чернов. «Ваша власть возшла, как на дрожжах, на явно обдуманном и зломном обмане, — писал он. —...Ваша пресса развращена до мозга костей возможностью лгать и клеветать, потому что всем остальным зажат рот и можно не бояться никаких опровержений»⁴⁷.

Сразу после окончания гражданской войны советская власть бросила свои карательные силы на борьбу против мыслящих людей. В науке для разработки ленинской версии истории общественной мысли и общественного движения стали создаваться специальные условия. В 1920 г. в первую очередь был наложен запрет на социологию как науку. Тогда же была запрещена деятельность Русского социологического общества и Общества по объективному изучению поведения человека, созданного И.П. Павловым. Зато были учреждены Истпарт — Комиссия по «научной» разработке истории Октябрьского переворота и истории РКП(б) — и институт Маркса и Энгельса. Для подготовки кадров научных работников был создан в 1921 г. Институт красной профессуры. В 1923 г. начал работать Институт Ленина. Всем этим учреждениям придавались цензурные функции.

Декрет 6 июня 1922 г. возложил на Главлит совместно с ГПУ составление списков запрещенной литературы, издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати, обязательных для библиотек. Согласно этому декрету, труды и сочинения авторов, задолго до октября 1917 г. разоблачавших научно-теоретическую и нравственную несостоятельность Ленина и его окружения, попали в списки запрещенной литературы, в их числе оказались последние статьи Маркса, его и Энгельса переписка. Сталин установил свой личный контроль над публикацией сочинений Ленина — там тоже нашлись статьи и заметки, на которые Сталин наложил запрет. С января 1929 г. действовало «Положение об архивном управлении СССР», согласно которому устанавливалась категория «секретных материалов». Возможность использования их архивы предоставляли лишь по особому разрешению.

Однако даже в условиях усилившихся после окончания гражданской войны гонений на независимую мысль российские экономисты, ученые-аграрники, социологи и правоведы не сложили оружия, не ушли в тень. Как вспоминал Бруцкус, весной 1920 г. группа экономистов собралась в стенах Русского технического общества, чтобы договориться об организации издания экономического журнала. Присутствовали Струве, М.И. Туган-Барановский, Чаянов, А. Югов, А. Вайнштейн и другие. Журнал получил название «Экономист». Бруцкус объявил о своем намерении начать печатание в этом журнале критических статей о большевистском «социализме». «Мои слова, — вспоминал он, — были восприняты коллегами как шутка, столь невероятным представлялось тогда появление критики социализма под эгидой нашей советской власти». В августе 1920 г. он выступил с докладом «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», в котором доказывал, что «коммунистическая партия приступила к строительству социализма, не имея никакого представления о характере той задачи, которая предстоит ее решению», поэтому «экономическая проблема российского социализма неразрешима» методами, предпринимаемыми советской властью. Шесть раз он прочитал свой доклад в Петрограде и один раз в Москве⁴⁸. Его поддержал в своем выступлении Струве: «России нужна свобода. Свобода, и только свобода, в первую очередь хозяйственная свобода», — взывал Струве и указывал на путь к возрождению: «Задачей момента является полное раскрепощение России во имя хозяйственной свободы и закрепления этой раскрепощенной России на прочных, глубоко вбитых в самое народную душу сваях частной собственности. Те лозунги, которыми должна быть воодушевлена наша освободительно-устроительная работа в экономической области, весьма просты и ясны. Они гласят: собственность и свобода. Без собственности не может быть крепкого чувства родины и долга перед ней, крепкого и сознательного патриотизма». С научно обоснованными предложениями в области аграрной политики выступили тогда Чаянов, Н.Д. Кондратьев, А.Н. Челинцев, С.Н. Прокопович, Пешехонов, П.П. Маслов, С.С. Маслов.

Но издание такого журнала вызвало негодование Ленина и после появления № 4-5 журнала был закрыт. На обложке № 3 был опубликован список интеллектуалов, сотрудничавших с «Экономистом» (им осенью 1922 г. предстояло вместе с около 200 других представителей интеллигенции отправить-

ся в принудительную эмиграцию). Рекомендации ученых-аграрников были объявлены чаяновщиной, кондратьевщиной, которые вместе с предложениями Челинцева якобы «сводились к идеологической маскировке в интересах капиталистической (кулацкой) группы хозяйств»⁴⁹. 46 ученых-аграрников, обвиненных в принадлежности к мифической Трудовой крестьянской партии, были осуждены и расстреляны в 1931—1933 годах. Так экономисты заплатили за попытку углубить и развить с учетом специфических российских условий экономическое учение Маркса.

Дорого заплатил за попытку рассказать о Марксе неканонизированном, о котором он узнал из бесед с Лавровым, и Д.Б. Рязанов. Являясь в 1920-е годы редактором сборников «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» он опубликовал в 1924 г. ответ Маркса Плеханову и Засулич. В 3-й книге в 1927 г. появилась статья об антимарксистской сущности большевизма. В 1929 г. в 4-й книге этого сборника была опубликована статья Б.И. Николаевского «Русские книги в библиотеке К. Маркса и Ф. Энгельса». В ней высказана мысль о том, что «позиция Маркса в русских вопросах в течение 1870-х годов претерпела заметное изменение... Настроение Маркса существенно отлично от Маркса прежних лет». В условиях 1929 года Николаевский не стал развивать эту мысль, хотя огромный материал, содержащийся в статье, позволял это сделать. В книге 5-й Рязанов поместил в 1930 г. рецензию Маркса на учебник политэкономии Вагнера. А в 1931 г. Рязанов был исключен из партии, отстранен от должности и арестован (расстрелян в 1938 году).

В 1931 г. его заменил Адоратский, до 1939 г. являвшийся директором сначала Института К. Маркса и Ф. Энгельса (с 1933 г. — еще и Ленина — ИМЭЛ). Он же был назначен и редактором первых изданий сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. В 1933 г. в предисловии к 15-му тому сочинений Маркса и Энгельса Адоратский утверждал, что «до конца своих дней они оставались верны тем взглядам, которые они выработали еще в 1840-х годах»⁵⁰. Редактор объявлял, что в этот том включены их сочинения, написанные в 1873—1883 годах. Однако ни одной из цитированных выше статей и заметок, написанных Марксом в 1881 г., по понятным причинам в томе не оказалось. Они появились лишь во втором издании сочинений Маркса и Энгельса после 1956 года.

Итак, Маркс не считал свою теорию «универсальной отмычкой» и никому не старался навязывать ее силой. Доктрина, провозглашенная в качестве универсальной и приписанная Марксу, уже при его жизни представляла собой набор поверхностно воспринятых положений из его сочинений 1848—1872 годов. Эта доктрина служила ширмой для пропаганды собственных умозрительных представлений теми, в отношении кого Маркс говорил: «Я, во всяком случае, не марксист». Приобретая все более мистифицированную сущность, доктрина превращалась в «марксизм», потом деятели, склонные по своему морально-психологическому складу повелевать и властвовать, обратили его в ленинизм. Не располагая ни знаниями, ни критической мыслью, эти деятели не разработали ни научно обоснованной теории, ни идеологии. Мистификация, насилие явились их «теорией», «идеологией» и оружием.

Такие «теории» и «идеологии» еще во времена Нечаева становились «верой» далеко не всех, кто попадал в круг его общения. Нечаев, писал Лопатин, «устраивает свой лагерь и, о, удивление, еще находит честную молодежь, соблазняющуюся его фокусами». Землевольцы смогли противостоять «фокусам» Нечаева и Плеханова. Смогли и народовольцы. На рубеже 1880—1890-х годов такими «фокусами» увлекал честную молодежь «марксизм» в плехановской интерпретации, позже — в ленинской и т.д. В отличие от Ленина, Плеханов не располагал силой сламывать и подчинять своей воле увлекающихся, колеблющихся, сомневающихся. Но и в его окружении вера, настоящая или показная, в доктрину была обязательным атрибутом признания. Остальным эту веру навязывали демагогической пропагандой и террором.

О необходимости учить людей противостоянию демагогии «героев» Михайловский писал в начале 1870-х годов. Фигнер, Корба, Ошанина, Тихо-

миров считали, что такая способность к противостоянию формируется в процессе воспитания, которое, утверждали они, каждый должен начинать с себя. В середине 1890-х годов французский социальный психолог Г. Лебон обосновывал систему воспитания, которая могла научить каждого «защищаться от вожаков». На русском языке его книга «Психология воспитания» была издана в 1910 году.

Обобщая западноевропейские и российские социологические и политэкономические исследования, Ковалевский, Кареев, де Роберти, Исаев отмечали, что в начале XX в. социологи и экономисты уже указывали на условия примирения политической системы с поступательным ходом истории, что они диктовали необходимость сотрудничества и общения между учеными и общественными деятелями для решения проблемы преодоления общественных (межгрупповых и межличностных) противоречий. В начале 1920-х годов в обобщающем исследовании П. Сорокин показал, что сделано в России в изучении различных аспектов этой проблемы. Вот только имена тех, чей вклад он считал наиболее значительным: В.И. Сергиевич, Н.И. Зибер, Е. де Роберти, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Харузин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, Л.И. Мечников, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.Е. Колосов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, К.М. Тахтарев, Л.И. Петражицкий, С.Л. Франк, Н.С. Тимашев, С.И. Солнцев⁵¹.

В 1870 г., читая сочинения Чернышевского, Маркс оценил как очень важный вывод русского мыслителя о том, что «историческое движение совершается под влиянием множества разнородных явлений». Исследовательская мысль Маркса двигалась в направлении от признания примата способа производства к признанию влияния многих факторов на эволюцию общественной жизни. Его учеником, Ковалевским, было разработано учение о факторах общественной эволюции. Он писал: «Следует говорить о воздействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь, и не о руководящих факторах — экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д., а о стоящих в тесном общении фактах или явлениях общезития»⁵².

Примечания

1. ГЕРЦЕН А.И. Собр. соч. Т. 17. М. 1959, с. 108.
2. Цит. по: КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Социология. Т. 1. М. 1997, с. 123.
3. Там же, с. 21.
4. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Т. 1. М. 1988, с. 43.
5. НИКОЛАЕВСКИЙ Б.И. Русские книги в библиотеке К. Маркса и Ф. Энгельса. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, 1929, кн. 5, с. 193—194.
6. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. М. 1951, с. 96.
7. Утопический социализм в России. Хрестоматия. М. 1985, с. 479.
8. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 276—277, 274, 280.
9. Письма народовольца А.Д. Михайлова. М. 1933, № 78, 81, 85.
10. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 470, 244. Опровержения этих умозрительных утверждений см.: НАЙДЕНОВ А.А. Князь А.И. Васильчиков и подготовка крестьянской реформы. В кн.: Вехи минувшего. Вып. 2. Липецк. 2000; К биографии кн. А.И. Васильчикова — почетного гражданина г. Липецка. В кн.: Бартеневские чтения. Материалы межрегиональной конференции. Липецк. 2005.
11. См. подробнее: ШЕВЫРИН В.М. П.А. Гейден. В кн.: Политическая история России в партиях и лицах. М. 1994, с. 220.
12. В соответствии с указаниями Ленина составители комментариев к его Полному собранию сочинений утверждали: «Однако марксизм Зибер понимал односторонне, революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему чужда», он «не был приверженцем революционного учения К.Маркса» (ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 626; т. 4, с. 522).
13. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 372.
14. ИСАЕВ А.А. Нужна ли земская статистика. СПб. 1888, с. 14.
15. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 407, 414, 405, 408.
16. ДЕЙЧ Л.Г. Плеханов. М. Б.г., с. 47—76.

17. Цит. по: КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч. Т. 1, с. 171, 179.
18. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 406.
19. Там же. Т. 21, с. 489—490.
20. К делу С.М. Гинсбург. — Былое (Париж), 1908, № 7, с. 90.
21. ЛАВРОВ П.Л. Годы эмиграции. Т. 2. Dordrecht (Holland), Boston (USA). 1974, с. 186, 181, 182, 191, 187.
22. Архив Дома Плеханова (АДП). А.87.2. Инв. 11508.
23. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967, с. 564. Курсив мой. — *Е.Г.*
24. ГОЛЬЦЕВ В.А. Земский собор. В кн.: МЕНЬЩИКОВ Л. Охрана и революция. Ч. 1. М. 1925, с. 31.
25. Летописи марксизма, 1928, № 6, с. 84, 102; Пролетарская революция, 1923, № 10 (22), с. 200.
26. ТИХОМИРОВ Л.А. Плеханов и его друзья. Л. 1925, с. 27.
27. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 35, с. 190.
28. Письма Г.В. Плеханова П.Л. Лаврову. — Дела и дни, 1921, № 2, с. 90—91.
29. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 19, с. 21—22; т. 36, с. 32—33, 494; т. 34, с. 330—331; т. 38, с. 153—155; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода, с. 236—237; Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М. 1969, с. 88—256.
30. ВОДЕН А. На заре легального марксизма. — Летописи марксизма, 1927, № 4, с. 5—96; Русские современники, с. 11.
31. Сочинения К. Маркса в Центральном комитете цензуры иностранной. — Дела и дни, 1920, № 1, с. 327.
32. Цит. по: КАРЕЕВ Н.И. Основы русской социологии. М. 1996, с. 208.
33. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 280.
34. НИКОЛАЕВСКИЙ Б. В.И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 году. — Летописи марксизма, 1926, № 1, с. 83.
35. Переписка семьи К. Маркса с русскими политическими деятелями. М. 1983, с. 142.
36. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 627.
37. Там же. Т. 4, с. 431—432.
38. КОНКВЕСТ Р. Большой террор. Т. 1. Рига. 1991, с. 196.
39. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 162, 163.
40. БРУЦКУС Б.Д. Социалистическое хозяйство. Париж. 1928, с. 90.
41. ТЕРНЕ А.М. В царстве Ленина. Берлин. 1922, с. 84—85.
42. Стенографический отчет 6-го Петроградского губернского съезда Советов, январь 1919 [г.]. Пг. 1919, с. 11—15.
43. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 22, с. 191.
44. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 2, с. 441; РОЗЕНТАЛЬ И.С. Большевики и российское общество. — Политические партии в России. 1914—1917. М. 2000, с. 100.
45. ХАЙЛОВА Н.Б. М.М. Ковалевский. В кн.: Политическая история России в партиях и лицах. М. 1994, с. 202.
46. РОЗЕНТАЛЬ И.С. Ук. соч., с. 100; Политические партии конца XIX — первой трети XX века. Энциклопедия. М. 1996, с. 79.
47. Это письмо опубликовано в кн.: АРУТЮНОВ А. Досье Ленина без ретуши. М. 1999, с. 327—332.
48. БРУЦКУС Б.Д. Доктрины марксизма в свете русской революции. Берлин. 1923, с. 56—57.
49. БСЭ, изд. 1. Т. 61. М. 1934, с. 119, 107—108, 773—774.
50. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 15. М. 1933, с. VII.
51. СОРОКИН П.А. Из истории российской и зарубежной социальной мысли. — Рубеж, 1992, № 1.
52. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч. Т. 1. СПб. 1910, с. 5.